

© 1990 г.

Я. И. ГИЛИНСКИЙ

ТВОРЧЕСТВО: НОРМА ИЛИ ОТКЛОНЕНИЕ!

ГИЛИНСКИЙ Яков Ильич - старший научный сотрудник Ленинградского института социально-экономических проблем. В нашем журнале опубликовал статью «Социодинамика самоубийств» (№ 5, 1988), в соавторстве.

«Я не сумасшедший. Только ум мой
не такой, как у вас».

Диоген

Можно ли так ставить вопрос!

Первоначальное неприятие великих творений с последующим (чаще всего — слишком поздним для их создателей) признанием, восхищением и почитанием — общее место истории науки, техники, искусства. И это понятно, поскольку вообще «каждый новый шаг вперед необходимо является оскорблением какой-нибудь святыни, бунтом против старого, оживающего, но освященного привычкой порядка». [1]. Новое всегда выступает отклонением от нормы, стандарта, шаблона поведения или мышления и потому воспринимается как аномалия. При этом, чем значительнее новое отличается от привычного, обыденного, усвоенного, тем

аномальнее оно выглядит. Не удивительны поэтому бесчисленные высказывания о связи (тождестве?) гениальности и безумия, о патологии творчества, об изначальной (генетической) отягощенности творческой личности и т. п., достигшие наибольшего признания среди последователей фрейдизма. В отечественной литературе в этом отношении представляют интерес выпуски «Клинического архива Гениальности и Одаренности (эвропатологии)», посвященные «вопросам патологии гениально-одаренной личности, а также вопросам патологии творчества», вышедшие в Ленинграде (нам известны четыре тома — с 1925 по 1928 гг.).

Людей всегда интересовали загадки научного и художественного творчества. Но лишь в научном активе XX столетия нашлось место для формирования эврологии (П. Энгельмейер) как комплексной, междисциплинарной науки о творчестве. Наряду с успешно разрабатываемыми советскими учеными философскими (А. С. Арсеньев, Г. С. Батищев, В. С. Библер, Г. А. Давыдова, З. М. Какабадзе, Э. В. Ильенков и др.), психологическими (С. М. Беряштейн, Л. С. Выготский, С. О. Грузенберг, А. Н. Лук, Я. А. Пономарев, В. Н. Пушкин, М. Г. Ярошевский и др.), психофизиологическими вопросами творческой деятельности, значительный интерес представляет ее социологическая сторона. Естественно, что предметом социологии служит творчество как социальный феномен, а не индивидуальный творческий акт (предмет психологии). Однако, как нам кажется, именно социологии творчества повезло у нас менее всего. Может быть это связано с тем, что ни в годы сталинизма, ни во времена застоя общество (следуя за вождями) не предъявляло спрос на социальное творчество? А недолгий период хрущевской «оттепели», всколыхнувший научную мысль, литературное, художественное творчество, был слишком краток для серьезного социологического осмысления и формирования социологии творчества как относительно самостоятельного направления? Справедливости ради следует заметить, что социология науки и социология различных видов художественного творчества получили известное развитие [4], но пока не сложилась социология творчества как более общая концепция.

Эвристически перспективными являются несомненно исследования социального творчества как формы (вида, проявления) отклоняющегося поведения (как социального явления, а не индивидуального поведенческого акта). Однако такое утверждение нуждается в предварительном обосновании [5].

С точки зрения вечности

Единый мировой процесс самодвижения материи осуществляется в двух основных дополнительных (в боровском понимании) формах: самоорганизации (убывание энтропии) и самодезорганизации (возрастание энтропии). Диалектика организации и дезорганизации, порядка и беспорядка, негэнтропийных и энтропийных процессов обуславливает неравномерное их распределение в пространственно-временном континууме Вселенной. Одним из островков относительного преобладания организационных, информационных, негэнтропийных процессов является Земля породившая ряд информационно-генерирующих процессов (геогенез, биогенез, антропосоциогенез). Противоречие между организацией и дезорганизацией носит объективный характер, служит необходимым условием и источником развития физических, биологических, социальных систем.

Существование любой системы (в том числе общества) есть динамическое состояние, процессирующее тождество сохранения изменения. Наиболее общим средством обеспечения динамического равновесия системы, сохранения через изменения выступают флуктуации. И чем выше уровень организации (организованности) системы, тем динамичнее ее существование и тем большее значение приобретают изменения как средство сохранения. Неравновесность, неустойчивость, нестабильность становятся источником упорядоченности (порядок через флуктуации) [6]. Поскольку существование и развитие социальных систем неразрывно связано с человеческой жизнедеятельностью (осуществляется через предметную коллективную сознательную деятельность общественного человека), постольку социальные флуктуации (можно сказать — девиантность социума) реализуются в конечном счете также через человеческую деятельность, через отклоняющееся поведение.

Вообще отклонение служит, очевидно, всеобщей формой изменения, являясь одной из фундаментальных категорий диалектики [7], а понятие девиантности следует включить в теорию социального изменения, поскольку всякое изменение начинается с отклонения [8]. При этом отклонения, по законам диалектики в соответствии с принципами симметрии и дополнительности, не могут не быть полярными — позитивными и негативными, ибо «отрицательное и положительное... абсолютно соединены в субстанциональной необходимости» [9]. Механизмом общественного развития выступает прежде всего социальное творчество (позитивная сторона отклоняющегося поведения), т. е. такая деятельность, которая не ограничивается воспроизводством известного (вещей, идей, отношений), а порождает нечто новое, оригинальное, качественно новые материальные и духовные ценности. Широкое понимание творчества как порождения нового приводит к выводу о том, что творческая деятельность человека — лишь проявление фундаментального свойства материи, лежащего в основе развития. Представляется плодотворным понимание творчества как механизма развития материи, образования ее новых форм [10], когда «природой творчества является творчество природы» [11]. На противоположном полюсе отклоняющегося поведения находится его «дурная» сторона — социальная патология (антиобщественные явления) как *alter ego* социального творчества.

И различные виды творчества, и различные виды антиобщественных проявлений — суть формы социальной активности (как меры деятельности общественного человека). При всей их общественной равнозначности имеется нечто общее, позволяющее уловить их единство: нестандартность, нешаблонность поступков, выход за рамки привычного, за пределы нормы. «Но, конечно, не всякий выход за пределы есть истинное освобождение от них» [3]. И если «творчество потому и является таковым, что в нем непременно нарушаются какие-то существенные нормы деятельности, то есть обнаруживается, по существу, систематическое «уклонение от нормы» [12], если «глубинная общность науки и искусства состоит в том, что и тот и другой феномены возникли как средство прорыва из замкнутой скорлупы самодостаточного мира обыденного сознания» [13], то, вместе с тем, отклонение от социальных норм может носить негативный характер, проявляясь как преступление, пьянство, наркомания, самоубийство. Иными словами, «уклонение от норм» может быть, с позиций социального целого, объективно полезным, прогрессивным, служа механизмом поступательного развития общества, или же общественно опасным, задерживающим его развитие.

Эта сложная, диалектическая, поражающая обыденное сознание связь не только нормы и аномалии, но и полюсы отклоняющегося поведения издавна привлекала художников. Это я пушкинское «гений и злодейство две вещи несовместные», и мучительные искания Ф. Достоевского, доходившие «до последнего предела» и переходившие «за черту», «бесовщина» и метания от «высших типов человека» к человеку гнусному «до последней степени», и мысль П. Хиндемита о том, что преступление и творчество — две стороны единого процесса, и, наконец, преследовавшая Т. Манна мысль: творчество как преступление.

Заметим, что даже наука как социальный институт, функцией которого является создание нового, творчество (нормой деятельности должны быть девиации!), в действительности развивается по своим законам и каждое новое выдающееся открытие выступает отклонением, разрушающим парадигмы науки и встречающим соответствующий прием (непризнание, враждебное отношение и т. п.) пока не заменит былую парадигму, само став таковой [14]. Поэтому «наивысшие достижения научной мысли всегда представляли собой выход за рамки парадигмальных норм, за пределы „нормальной науки“ и венчали собой крайне напряженное переживание жизни в ее полноте и целостности. Эти высшие достижения существовали изолированно и обособленно, не будучи включенными в контекст научных знаний эпохи (Галилей, Эйнштейн, Маркс), и проходило зачастую очень много времени пока они обретали характер более или менее общепринятых и согласующихся с предшествующим опытом научного развития» [15]. Таким образом, научное творчество может выступать как деятельность, отклоняющаяся не только от нормы нетворческого существования, но и от норм самого научного сообщества. Разумеется, то же самое относится и к художественному творчеству. Достаточно вспомнить восприятие новых художественных стилей, течений, направлений со стороны не только читателей, зрителей, слушателей, но и собратьев (невольно напрашивается «брат мой — враг мой») по искусству. Как правило, «с возникновением стилистических норм небольшие отклонения от них вызывают одобрение как усовершенствования, но по-настоящему оригинальные попытки создавать новое подавляются или игнорируются» [16]. Все это выдвигает много социологических и социально-психологических проблем, заслуживающих специальных исследований. Как соотносятся нравственные нормы общества и таких «нормативных субкультур» как научное сообщество или сообщество деятелей искусства? Как соотносятся нормы жизнедеятельности, образ жизни творческих сообществ и отдельных индивидов, входящих в них? Как проявляется при этом общенаучный закон уменьшения энтропии в самоорганизующейся системе («научное сообщество», «творческий коллектив») за счет увеличения энтропии в среде [17]? Как влияет на творческую активность размер группы, степень ее сплоченности и не оборачивается ли здесь, как это часто бывает, добро — злом, когда, например (по Г. Зиммелю), групповая деятельность ведет к снижению уровня интеллектуальных достижений?

Хитрость мирового разума

Важнейшим элементом механизма сохранения-изменения системы (в том числе, общества) служит адаптация (как приспособление к среде и «приспособление» среды). Способы адаптации совершенствуются в процессе эволюции мироздания. Можно, пожалуй, сказать, что эволюция

мира есть эволюция способов адаптации его элементов. По мере усложнения степени организованности системы (от физических к биологическим и от них к социальным), способы адаптации становятся все более активными, так что биологическим и социальным системам присущ уже принцип экспансии [18]. «Сегодня стало совершенно очевидно, что человеческое общество следует относить к общему классу адаптивных систем» [19]. Сверхадаптация общественного человека осуществляется путем активного, силового изменения среды. Биологическая борьба за существование перерастает в сверхборьбу за лучшее существование.

Совершенствование адаптационных возможностей рода *homo sapiens* и способа его существования — общества — осуществляется в ходе своеобразного отбора. Поскольку носителем социального наследования служит культура как форма жизнедеятельности людей, постольку для социальных систем объектом отбора являются способы деятельности общественного человека [20]. При этом отбор, как известно, выполняет две функции: движущую (обеспечение развития) и стабилизирующую (обеспечение сохранения). Движущая форма отбора обеспечивается деятельностью, нарушающей существующие нормы (для общества — социальными отклонениями, отклоняющимся поведением).

Социальное творчество и есть тот «ряд положительных отклонений», который обеспечивает развитие общественной системы. Реально социальное творчество осуществляется через деятельность людей, через индивидуальные творческие акты, к рассмотрению механизма которых мы и перейдем.

Побудительной силой человеческой деятельности выступают потребности, определяющие ее содержание и интенсивность (не они ли воплощение гегелевской «хитрости мирового разума», провоцирующей «венец природы» к ее самопознанию?). «Первичными» являются витальные, биологические потребности. В конечном счете на их удовлетворение направлены усилия людей. Однако человек может удовлетворять свои потребности лишь в обществе и посредством общества, в социально определенных формах, опосредующих, очеловечивающих и социализирующих самые что ни на есть естественные, чисто биологические потребности. Так происходит диалектическое обращение: для более полного удовлетворения первичных потребностей необходимо развитие и удовлетворение вторичных социальных потребностей, включая потребность в самом творчестве.

Нужда побуждает общественного человека в результате предметной, коллективной, сознательной деятельности развивать производство: как производительные силы (их вещественные элементы и самое себя — рабочую силу), так и производственные отношения. Развитие же предполагает как количественные изменения, обеспечиваемые в процессе воспроизводства, репродуктивной деятельности, так и качественные — создание нового, творчество.

Вообще имеется определенная иерархия противоречий общественного развития, образующая иерархию причин отклоняющегося поведения. Здесь лишь заметим, что творчество выступает попыткой, средством разрешить противоречия между универсальностью, тотальностью человеческой жизнедеятельности и ее социальной формой, существующими нормами, стандартами, эталонами; между социально сформированными потребностями людей и социально обусловленными возможностями их удовлетворения; между потенциально всеобщим характером труда и актуально ограниченным частичным трудом частичного человека.

На уровне индивидуального поведения источником социальной активности служит несоответствие объективных свойств человека (включая его задатки, способности) требованиям занимаемой позиции в системе общественных отношений, в социальной структуре общества — «социальная неустроенность», конфликтность бытия, противоречия между потребностями индивида и возможностями их удовлетворения (определяемыми прежде всего местом в социальной структуре). Социальная неустроенность может не осознаваться человеком или, будучи осознана, проявляться психологически как неудовлетворенность.

Очевидно, социальной неустроенностью объясняется повышенная активность маргинальных групп аутсайдеров.

Объективный социологический феномен социальной неустроенности нередко интерпретируется как повышенная трагедийность существования творцов: «Страдание составляет привилегию высших натур... Великий человек имеет великие потребности и стремится удовлетворить их. Великие деяния проистекают только из глубокого страдания души» [21]. Эта же мысль выражена в блестящем афоризме Ж.-П. Сартра: «Гений не дар, но выход, который придумывают в отчаянных случаях» (цит. по: [22]). Действительно, рассматриваемое с позиции социальной обусловленности поведения, творчество, наряду с другими феноменами социальной активности (так же как и социальной пассивности), должно изучаться как следствие вполне определенных условий существования, как одно из возможных проявлений поисковой активности, как средство разрешения противоречий общественной жизни и конфликтных ситуаций, как способ самоутверждения, а «противоречия и абerrации индивидуального творчества как выражение общественных социальных аномалий» [23].

Так, в искусстве представляется возможным изживать «величайшие страсти, которые не нашли себе выхода в нормальной жизни» [24]. Так, в науке «идея — это и есть „придуманный“, „увиденный“ (то есть найденный пока лишь в сознании) возможный выход за пределы сложившейся противоречивой ситуации — за рамки существующего положения вещей и выражающих его понятий» [25]. По словам Г. Д. Гачева, «те ходы, которые проделывает на уровне абстракции моя теоретическая мысль, связаны с загвоздками и переживаниями моей текущей личной жизни,... пишу я, например, о сменах структур образов в истории литературы, а решаю тем проблемы своей жизни: они просвечивают в поворотах, наклонениях и акцентах теоретических построений» [26]. Впрочем, творческая деятельность, являясь реакцией на жизненные неурядицы, конфликтность и трагичность бытия, очевидно, (по принципу обратной связи) порождает повышенную чувствительность, открытость, ранимость ее субъектов, что основательно исследовано психологией и психофизиологией творчества.

Наши теоретические построения, равно как изучение биографий выдающихся творцов в области науки, искусства, политики, невольно приводят к парадоксальному выводу: не служит ли усиление неустроенности, конфликтности, проблемности бытия лучшим средством повышения творческой активности?! Ведь «говорят: если бог хочет сделать гения, он берет десяток талантливых и-бросает в огонь для закалки, как кувалдой, бьет их горем по голове, истязает всячески. Расчет у мудрого господина прост: трое - свихнутся, трое - сопьются, трое - удавятся, а один - авось да выдюжит, и получится из него - Достоевский! Рецепт этот вошел в моду...» [27]. Как видим, в описании подобного способа «изготовления» гениев содержится и его недостаток: крайне низкий КПД.

Социальная неустроенность, социальный конфликт, неудовлетворенность (вообще «истязания всяческие») порождают не только поиски выхода в творчестве, но и «выход» в насилии, вандализме, а также различные формы «ухода» (алкоголизм, наркомания, «хиппизм» и т. п.).

Возможно, существуют какие-то нормы, пороги, допуски, критические значения (индивидуальные для каждого индивида? различные на разных этапах жизненного пути?), неустроенности, трагедийности существования, ниже которых отсутствует стимул творческой активности, а превышение их ведет к краху личности.

Абстрактная схема или руководство к действию?

Может возникнуть вполне закономерный вопрос: не есть ли изложенное выше лишь дань авторской концепции? Слишком уж непривычно для многих из нас видеть нечто общее в социальном (научном, техническом, художественном) творчестве и социальной патологии (преступности, наркомании, пьянстве, проституции, самоубийстве), рассматривать то и другое как следствие неких общих социальных причин. В конечном счете, судить об этом не автору, а читателям. И все же еще несколько доводов в пользу авторской концепции. Социальная норма, определяющая исторически сложившуюся в конкретном обществе меру допустимого поведения, может либо соответствовать законам общественного развития, либо отражать их недостаточно адекватно, а то и находиться с ними в противоречии, будучи продуктом искаженного (классово ограниченного, религиозного, субъективистского) отражения объективных закономерностей. И тогда социальная «норма» оказывается сама «анормальной»! Именно поэтому отклоняющееся поведение может быть позитивным, ломающим устаревшие нормы и объективно способствующим прогрессу (социальное творчество), и негативным, объективно препятствующим развитию или существованию (социальная патология).

Именно поэтому нестандартность, нешаблонность, необычность мыслей и действий — необходимое условие развития общества. Поэтому же преследование инакомыслия и инакодействия — верный гарант стагнации, застоя. Свидетельство тому — отечественная история конца 20-х — середины 80-х гг. уходящего столетия.

Творчество как создание чего-то нового принципиально не планируемо. Можно предвидеть «точки роста», предсказывать направления будущих открытий, но нельзя предугадать (а, следовательно, и планировать), кто, когда, где и как создаст или откроет неизвестное. Весь опыт нашей истории свидетельствует о вреде жесткого планирования, заорганизованности, занормированности деятельности, приводящей к социальному склерозу и параличу. Хорошо, когда общество поддерживает творческую деятельность, финансируя ее, обеспечивая технически.

Далее. Эмпирические социологические исследования последних лет свидетельствуют о вполне определенных и относительно устойчивых взаимосвязях между различными формами социальной патологии и социальным творчеством; о повышенной созидательной и... антиобщественной активности одних и тех же социальных групп (молодежи, служащих без специального образования и др.); о потенциальных возможностях канализирования социальной активности как в общественно-полезной, так и в негативной, с точки зрения общества, деятельности [28].

Думается, поэтому, что рассмотрение социального творчества как

одного из элементов (подсистем) отклоняющегося поведения не является лишь абстрактной схемой, а таит эвристические возможности комплексного социологического исследования закономерностей распространенности, а также характера взаимосвязей позитивных и негативных проявлений социальной активности в пространственно-временном континууме социума, построения математических моделей отклоняющегося поведения как системы, с выходом на управленческие проблемы развития социального творчества «в ущерб» антиобщественным проявлениям. Так, «наиболее эффективное предупреждение преступлений... достигается не просто временным подавлением нежелательных форм поведения, а их постоянным вытеснением, заменой их на социально одобряемые, полезные обществу и индивиду формы и виды поведения» [29].

По мере «очеловечивания» нашего общества (да и всего человечества: иного выхода нет, альтернатива — самоубийство рода *homo sapiens* в результате экологической или ядерной катастрофы), утверждения общечеловеческих ценностей, достоинства личности и понимания ее самоценности, а равно **объективной** ценности бесконечного разнообразия индивидуальностей, развития «всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу» [30], творчество из отклонения — привилегии превратится в норму жизнедеятельности. Девиантность социума примет формы, которые трудно предсказать сегодня. Но можно думать, что нетворческое, приспособительное, потребительское существование сместится к полюсу негативных отклонений. «Что поделаешь, бесцветная и безвкусная усредненность: она ничему не дает сделаться ни по-настоящему дурным, ни по-настоящему хорошим» [32].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 296.
2. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857-1859 годов//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, Ч. I, С. 476.
3. *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 29, С. 100.
4. Художественное творчество: Вопросы комплексного изучения 1984. Л.: Наука, 1986. С 204 - 212.
5. *Гишинский Я. И.* «Отклоняющееся поведение» как социальное явление//Человек и общество. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. Вып. VIII. С. 113-118; Гишинский Я, Раска Э. О системном подходе к отклоняющемуся поведению//Изв. АН Эст. ССР Т 40 Сер. Общественные науки. 1981. № 2. С. 134-142.
6. *Пригожий И.* От существующего к возникающему. М.: Наука. 1985; Пригожий И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986.
7. *Петрушенко Л.А.* Самодвижение материи в свете кибернетики. М.: Наука, 1971.
8. *Lement E.M.* Human deviance, social problems and social control. New Jersey, С.114-124.
9. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. М.: Мысль, 1971. Т. 2. С. 206.
10. *Пономарев Я. А.* Психология творчества. М.: Наука, 1976.
11. Рунин Б.М. Творческий процесс в эволюционном аспекте//Художественное и научное творчество. Л.: Наука, 1972. С.63.
12. Обсуждение методологических проблем творчества//Вопр. философии. 1979. № 3
13. Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР//Вопр. философия. 1976. № 10. С.114.
14. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975; Научное открытие и его восприятие. М.: Наука, 1971.
15. *Ионин Л. Г.* Георг Зиммель - социолог. М.: Наука, 1981. С. 111-112.

16. Цит. по: Лук А. Н. Научное и художественное творчество — сходство, различия, взаимодействие//Художественное творчество. 1982. Л.: Наука, 1982. С. 204.
17. Маркарян Э. С. Глобальное моделирование, интеграция наук и системный подход//Системные исследования. Ежегодник 1980. М.: Наука, 1981. С. 149.
18. Айдинян Р. М. Введение в теорию социальной организации. Л.: ВПШК 1980. С. 116-119.
19. Маркарян Э. С. Указ. соч. С. 144.
20. Вишневецкий А. Г. Процессы самоорганизации в демографической системе // Системные исследования. Ежегодник 1985. М.: Наука, 1986. С. 239-242.
21. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1975. Т. 2. С. 506.
22. Цит. по: Филиппов Л. И. Философская антропология Жан-Поля Сартра. М.: Наука, 1977. С. 258.
23. Киссель И. А. Философская эволюция Ж.-П. Сартра. Л.: Лениздат, 1976. С. 15.
24. Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968. С. 312.
25. Ильенков Э. В. Противоречия мнимые и реальные//Диалоги: Полемические статьи о возможных последствиях развития современной науки. М.: Политиздат, 1979. С. 118.
26. Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР//Вопр. философии. 1976. № 12. С. 132.
27. Бородай Ю. Психоанализ и «массовое искусство» // «Массовая культура» — иллюзии и действительность. М.: Наука, 1975. С. 181-182.
28. Волошина Л. А. Совершенствование условий в сфере досуга как фактор искоренения преступности//Методологические вопросы социальных условий преступности. М., 1979. С. 137. Планирование социального развития в промышленности. Л.: Наука, 1984 С. 238-242; Человек как объект социологического исследования. Л.: Изд-во ЛГУ. 1977. С. 96-100.
29. Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. М.: Наука, 1985. С. 165.
30. Hegel G. W. F. Briefe. Berlin, 1970, Bd. II, S. 61.